

analysed and used in language teaching, cross-cultural education and intercultural communication.

To conclude, the potential for misunderstanding for speakers of foreign languages is considerable. The twin concepts of Natural Semantic Metalanguage and Cultural Scripts are such methods which can be used to study the lexical and semantic primitives whose meanings are the same across cultures and therefore assist intercultural dialogue.

Literature

1. *Wierzbicka, A., Goddard, C. Key Words, Culture and Cognition/ A. Wierzbicka, C. Goddard. — Philosophica, 1995. — № 55. — P. 37–67.*
2. *Wierzbicka, A. Understanding cultures through their key words/ A. Wierzbicka. — Oxford: OUP, 1997. — 328 p.*
3. *Wierzbicka, A. Russian Cultural Scripts: The Theory of Cultural Scripts and Its Applications/ A. Wierzbicka. — Ethos: The Journal of the Society for Psychological Anthropology, 2002. — № 30 (4). — P. 401–432.*
4. *Wierzbicka, A. Empirical Universals of Language as a Basis for the Study of Other Human Universals and as a Tool for Exploring Cross-Cultural Differences/ A. Wierzbicka. — Ethos: The Journal of the Society for Psychological Anthropology, 2005. — № 33(2). — P. 256–291.*
5. *Wierzbicka, A. English. Meaning and Culture / A. Wierzbicka. — Oxford: OUP, 2006. — IX, 352 p.*

Т.Н. Нестерович
УО БГЭУ (г. Минск)

БАСНЯ ЭЗОПА: ПОСЛАНИЕ ВНЕ ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВА

Исследователи всего мира стремятся разгадать тайну древних текстов — носителей наставлений и нравочучений, исходящих из глубины античных цивилизаций. Наиболее привлекательными в этом смысле оказались басни Эзопа, ставшие частью индоевропейской и мировой культуры, строки из которых цитируют на разных языках учителя, ученики и их родители. Одна из отличительных композиционных частей басни — мораль — располагается, как правило, в заключительной части и представляет собой логический, поучительный вывод либо авторское послание читателю.

Несмотря на основательную изученность проблемы, басни Эзопа могут стать объектом анализа в рамках интертекстуальности на базе семиотического подхода, который позволяет исследовать структуру басни, выявить семантику ее знаков и символов, а также сопоставить некоторые структурные и семантические элементы в национальных контекстах. Задачи, которые ставятся в работе: определив важные базовые смысловые и структурные составляющие данного жанра, продемонстрировать на примере басни «La Cigale et la Fourmi» — «Стрекоза и Муравей» специфические национальные черты, свойственные индивидуальным интерпретациям, представляющим лингвокультурные сообщества.

Изучая путь, пройденный эзоповской басней и эзоповым языком, небезынтесно отметить, что устные нравоучения древнегреческого мудреца были неоднократно интерпретированы как в прозе, так и в стихах, прежде чем привлекли внимание Ж. де Лафонтена, И.А. Крылова, Л.Н. Толстого. При этом сочинения Федра рассматриваются как важный источник вдохновения для Лафонтена. «Французский Гомер» пользовался также собранием басен, представляющим французские переводы, выполненные швейцарцем Исааком Невелетом в 1610 году.

Несовпадения и различия в интерпретациях французских и русских авторов обнаруживаются уже на уровне заголовков «La cigale et les fourmis» — «Стрекоза и Муравьи» (перевод Л.Н. Толстого) [1], «Жук и Муравей» (перевод В.В. Алексеева) [2], «La Fourmi et La Cigale» — «Муравей и жук» (перевод М.Л. Гаспарова) [3].

Главные персонажи у разных авторов тоже разнолики: поющий персонаж Лафонтена цикада (*la cigale*), которую многие русские авторы басни в прозе называли жуком, а некоторые кузнечиком, стала стрекозой у Крылова. Понятны затруднения народного баснописца, который не мог воспользоваться наименованием этого неизвестного в России самого громкоголосого из всех музыкальных насекомого, характерного для Средиземноморья, — вследствие этого собеседницей муравья и стала стрекоза. Объясняется это еще и тем, что в разговорном языке XVIII — начала XIX века слово «стрекоза» служило обобщенным названием для разных насекомых: так звали и кузнечика, и стрекозу [4, с. 10]. И хотя никто не слышал, как поет стрекоза, мы на слово верили Дедушке Крылову, что «Попрыгунья стрекоза лето красное пропела», «...стрекоза уж не поет», «...ты все пела...».

Отметим, что цикада приходит за помощью к муравьишке, а не к мужчине-муравью: во французском языке оба названия насекомых женского рода. Так, Л.В. Успенский отмечает, что у Лафонтена «...очень легко и изящно сложился образ двух болтающих у порога муравьиного жилища женщин-кумушек: хозяйственная «муравья» отчитывает легкомысленную певунью цикаду» [5, с. 140]. В новой басне Крылова изменилось основное: одним из беседующих оказался «крепкий мужичок», а никак не «кумушка». Разговор происходит не между двумя соседками, как у французов, а между соседом и соседкой, между скопидомом-муравьем и беззаботной стрекозой.

И, наконец, нельзя не заметить, что урок, который читатель должен извлечь из многочисленных интерпретаций басни, на первый взгляд, справедливый и заслуженный, слишком суров и негуманен, особенно в тексте «русского Лафонтена»: ведь жадность и жесткость мужчины-муравья обрекают стрекозу на гибель.

«Vous chantez ? j'en suis fort aise. Eh bien: dansez maintenant.»

«Ты все пела? это дело: Так поди же, попляши!»

Неожиданно счастливым оказался финал басни «Стрекоза» И. И. Хемницера, в которой муравей преподает стрекозе настоящий урок морали: сначала делает вид, что прогоняет ее, а затем дает хлеба, чтобы помочь продержаться и пережить зиму.

«Пропела? Хорошо! поди ж теперь свищи».

Но это только в поученье Ей муравей сказал,

А сам на прокормленье

Из жалости ей хлеба дал [6, с. 49].

Что касается беззаботной героини, в сопоставляемых контекстах стрекоза и цикада проявляют схожесть и однотипность поведения. Так, отвечая на вопрос муравья «Да работала ль ты в лето?» — «Que faisiez-vous au temps chaud?», они одинаково легкомысленны и бесхитростны в своем признании: «Nuit et jour à tout venant Je chantais, ne vous déplaie.» — «Я без души Лето целое все пела». Их беспечность, ветреность и леность проявляются в том, что они даже не подозревают или делают вид, что не догадываются, что кто-то работает в пору года, располагающую к отдыху и веселью.

Таким образом, встреча эпох в художественных интерпретациях эзоповой басни на русском и французском языках создает межкультурную парадигму, позволяющую высветить преломление националь-

ных особенностей и авторских реализаций в представлении общечеловеческих ценностей.

Литература

1. *Толстой, Л.Н.* Стрекоза и Муравьи / Л.Н. Толстой // Первая русская книга для чтения. Басни Эзопа. № 38 [Электронный ресурс] / — 1875. — Режим доступа: <http://ich.tsu.ru/elibrary/Antiquity/03Literature/01Fable/01Ezop/02Fables/06Tolstoy/index.htm> [https://ru.wikisource.org/wiki/Стрекоза_и_муравьи_\(Эзоп/Лев_Толстой\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Стрекоза_и_муравьи_(Эзоп/Лев_Толстой)) — Дата доступа: 20.12.2015.

2. *Алексеев, В.В.* Жук и Муравей / В.В. Алексеев // Басни Эзопа [Электронный ресурс] / — Спб: «Дешевая библиотека», изд. Суворина, 1888. — Режим доступа: <http://ich.tsu.ru/elibrary/Antiquity/03Literature/01Fable/01Ezop/02Fables/01Alekscev/index.htm> — Дата доступа: 20.12.2015.

3. *Гаспаров, М.Л.* Муравей и Жук / М.Л. Гаспаров // Античная басня. Басни основного эзоповского сборника. [Электронный ресурс] — М.: «Художественная литература», 1991. — Режим доступа: <http://facetia.ru/node/1320> — Дата доступа: 25.12.2015.

4. *Кобяков, Д.Ю.* Поющая стрекоза / Д.Ю. Кобяков // Приключения слов. Знаешь ли ты свой родной язык. — Барнаул: Алтайское книжное изд., 1975. — 96 с.

5. *Успенский, Л.В.* Поступь веков / Л.В. Успенский // Слово о словах. — Глава 7. Ленинград: Детская литература, 1971. — 155 с.

6. *Хемницер, И.И.* Стрекоза. / И.И. Хемницер // Басни и сказки. [Электронный ресурс] / Часть 2. — 2-е изд. — СПб: И.К. Шнор, 1782. — Режим доступа: <http://ich.tsu.ru/elibrary/Antiquity/03Literature/01Fable/01Ezop/02Fables/06Tolstoy/index.htm> [https://ru.wikisource.org/wiki/Стрекоза_\(Хемницер\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Стрекоза_(Хемницер)) — Дата доступа: 25.12.2015.

Ю.В. Селезнёв

УО БГЭУ (г. Минск)

КОННОТАЦИОННЫЕ СВЯЗИ И ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ЭКВИВАЛЕНТОВ В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР

Объект исследования — экстралингвистические данные, влияющие на ситуативно-адекватное понимание слов.

Предмет — выявление и сопоставление разности коннотаций с одним и тем же понятием у представителей разных культур.

Цель — предложить направления решения трудностей перевода, связанных с различием в ассоциативных связях представителей разных культур.